

УДК 82-94
DOI 10.25205/2410-7883-2020-2-385-392

Образ И. А. Бунина в мемуарной прозе Ирины Одоевцевой (на материале мемуаров «На берегах Сены»)

М. В. Ерошевская

*Кемеровский государственный университет
Кемерово, Россия*

Аннотация

Эмиграция Ирины Одоевцевой началась в 1922 г., надолго вычеркнув поэта из русской литературы в метрополии. В эмиграции она перестала писать стихи и обратилась к прозе. Мемуары «На берегах Сены» посвящены воспоминаниям о писателях и поэтах русской эмиграции, но особое место среди них занимает И. А. Бунин. Именно его критику Одоевцева считала самой ценной и именно от него она получила одобрение как автор-прозаик. Так самым значимым событием эмиграции для Одоевцевой становится знакомство с Буниным.

Ключевые слова

мемуары, проза, Ирина Одоевцева, поэт, прозаик, Иван Бунин, русская эмиграция, образ

Для цитирования

Ерошевская М. В. Образ И. А. Бунина в мемуарной прозе Ирины Одоевцевой (на материале мемуаров «На берегах Сены») // Сюжетология и сюжетография. 2020. № 2. С. 385–392. DOI 10.25205/2410-7883-2020-2-385-392

The Image of I. A. Bunin in the Memoir Prose of Irina Odoevtseva (Based on the Memoir “Na beregakh Seny”)

M. V. Eroshevskaya

*Kemerovo State University
Kemerovo, Russian Federation*

Abstract

Irina Odoevtseva's emigration began in 1922, permanently deleting the poet from Russian literature. In emigration, she stopped writing poems and turned to prose. Mainly, her memoir work brought her fame. The memoirs “Na beregakh Seny” are dedicated to the memories of writers and poets of the Russian emigration, but a special place among them is occupied by I. A. Bunin. It was his criticism that Odoevtseva considered the most valuable and it was from him that she received approval as a prose writer. Thanks in large part to his comments and observations, she improved her writing skills. Moreover, the author-memoirist managed to get the location of Bunin. He repeatedly noted Odoevtseva's ability to listen to him with genuine

© М. В. Ерошевская, 2020

ISSN 2410-7883
Сюжетология и сюжетография. 2020. № 2
Studies in Theory of Literary Plot and Narratology, 2020, no. 2

attention and interest. This impressed the writer and made him want to share his thoughts. Irina Odoevtseva's femininity, diplomacy and sincerity allowed her to maintain good relations with Bunin throughout her life. So, the most significant event of emigration for Odoevtseva becomes acquaintance with Bunin.

The memoirist does not tell about each meeting in chronological order: it captures the most striking key moments. The poet admired the extraordinary and rare talent of the writer. Behind the mask of arrogance and arrogance, Odoevtseva was able to discern the best human qualities in him. She saw her task as bringing her contemporaries and descendants at least a little closer to Bunin's greatness. According to the memoirist, he was such a multi-faceted personality that no one could give an exhaustive description of his image. Being a poet and prose writer, she learned Bunin mainly as an author-Creator. But the main thing in Irina Odoevtseva's observations is that this image extended to Bunin's life as a whole. This was expressed in the way he saw the world, how he spoke and reminisced about his childhood and youth. Even the most mundane story told by Bunin became a small work of art. The writer did not just tell, but showed what he was talking about. He, like no one else, felt and understood nature subtly and sensitively, and his presence always created a special atmosphere. This, according to Odoevtseva, made him an extraordinary and unique person, and that is why it was so important for her to get to know the real Ivan Bunin and capture his multi-faceted image.

Keywords

memoirs, prose, Irina Odoevtseva, poet, novelist, Ivan Bunin, Russian emigration, image

For citation

Eroshevskaya M. V. The Image of I. A. Bunin in the Memoir Prose of Irina Odoevtseva (Based on the Memoir "Na beregakh Seny"). *Studies in Theory of Literary Plot and Narratology*, 2020, no. 2, p. 385–392. (in Russ.) DOI 10.25205/2410-7883-2020-2-385-392

Ирина Одоевцева начинала творческую деятельность как поэт в 1920 г. Первый успех к ней пришел после прочтения «Баллады о толченом стекле» на приеме Николая Гумилева по случаю приезда Андрея Белого из Москвы. Показательно, что Георгий Иванов высоко оценил балладу, отметив злободневность ее проблематики. Но, тем не менее, славу Одоевцевой принесли мемуары «На берегах Невы» (Вашингтон, 1967) и «На берегах Сены» (Париж, 1983). В 1922 г. она была вынуждена покинуть страну. Ее возвращение состоялось только в 1987 г. В период эмиграции, помимо поэзии, она активно пишет романы, рассказы и мемуары. Особое внимание обратим на ее мемуарное произведение «На берегах Сены». Оно относится к третьему (послевоенному) периоду истории автодокументальной прозы. В предисловии к мемуарам «На берегах Невы» Одоевцева отмечает, что ее цель – рассказать о тех, кого она узнала на берегах Невы, подарить им бессмертие, а себе – сознание того, что она не напрасно прожила жизнь [1998, с. 195]¹. То же самое можно сказать и о тех, кого мемуарист узнала на берегах Сены.

Значительная часть «На берегах Сены» посвящена рассказам о Иване Бунине, который имел особое значение в жизни Одоевцевой. О Бунине также писали З. Шаховская, Н. Берберова, Г. Кузнецова, А. Федоров. Особенность воспоминаний о Бунине в мемуарах Одоевцевой в том, что через каждую страницу, где появляется образ писателя, красной нитью проходит неподдельное восхищение его личностью и талантом, искреннее стремление понять его и абсолютное принятие

¹ Далее ссылки на это издание приводятся в круглых скобках с указанием страниц.

всех черт его характера – как положительных, так и отрицательных. Для Ирины Одоевцевой незабываемыми и самыми замечательными годами эмиграции были годы, проведенные в Жуан-Ле-Пэне. Именно там, в «Русском доме», Одоевцевой удалось по-настоящему узнать Бунина. Она пишет о том, что «сумела изучить сложный, сотканный из противоречий характер Бунина. <...> Научилась также вести с ним беседы, развлекающие его. Интересующие Бунина «спасительные темы»: его детство и юность. Путешествия. О любви. О природе. О его семье» (с. 897). Наиболее значимыми воспоминаниями были воспоминания о детстве. Именно они лучше всего позволяли понять Бунина: «Каждый раз, когда Бунин рассказывает о мальчике Ване, каким он когда-то был, я узнаю что-нибудь совершенно новое о нем, о чем я еще не догадывалась, и это помогает мне лучше понять слова и поступки старого Бунина» (с. 905).

Рассказывая о Бунине, Одоевцева занимает свою привычную позицию, которую она избрала для себя как мемуарист, – позицию наблюдателя, слушателя, очевидца происходящего. Она предоставляет возможность говорить тем, о ком она пишет. Ее пассивная позиция позволяет как бы «высветить» образ того, кого она пытается воссоздать. Образ Ивана Бунина выходит на первый план. Это позволяет мемуаристу сконцентрировать внимание читателей на нем и представить его во всей полноте.

Знакомство писателей началось по инициативе Бунина. Он один из немногих оставил столь ценный для Ирины Одоевцевой отклик на ее первый рассказ «Падучая звезда», в то время она только начинала пробовать себя как прозаик: «Бунин прислал открытку редактору “Звена” Винаверу с очень похвальным отзывом о моей “Звезде”. Заканчивалась она так: “Кто такая Ирина Одоевцева? Пожалуйста, передайте ей мой привет и скажите ей, что я хочу с ней познакомиться”» (с. 831). Таким образом, положительная оценка Бунина сыграла большую роль в становлении Одоевцевой-прозаика.

Первая встреча с писателем стала для мемуариста событием, запомнившимся на всю жизнь: «Эту встречу я на всю жизнь запомнила. Каждый взгляд, каждое слово, сказанное в тот вечер Иваном Алексеевичем» (с. 833). В эту же первую встречу Одоевцева поняла, что талант Бунина не ограничивался его произведениями. Он проявлялся и в повседневной жизни, и в будничных беседах: «Он был на редкость замечательным собеседником и рассказчиком. В его присутствии нельзя было себе представить, что такое скука. Он всё видел как-то по-своему и находил для всего новые, неожиданные сравнения и определения» (с. 833, 834). Однажды писатель увидел художественный образ в глазах парня, продающего устрицы, и подарил этот образ Одоевцевой: «Может пригодиться для рассказа. Я Вам дарю эти “глаза, как устрицы”. Я царски богат. Мне не жалко» (с. 871). Она была поражена тем, как сама не заметила такой интересный образ, который был прямо перед глазами.

Страницы, описывающие встречи и разговоры с писателем, пронизаны особой теплотой и трепетом. Одоевцева видела в нем не только лауреата Нобелевской премии, высокомерного и надменного, по мнению многих. Прежде всего, она почувствовала в нем человека большой души и редкого выдающегося таланта. Мемуарист неоднократно отмечает, как Бунин преображался в кругу близких людей. Высокомерие и надменность оказывались лишь маской: «В домашнем быту Бунин сбрасывал с себя всё свое величие и официальность. Он умел быть любезным,

гостеприимным хозяином и на редкость очаровательным гостем, всегда – это выходило само собой – оставаясь центром всеобщего внимания» (с. 834), «Бунин же в кругу близких и домашних отличался покладистостью и добродушием. Он, хотя и ссорился с домашними, легко и быстро мирился с ними, прощая настоящие и вымышленные обиды. И сам сознавался, что он порой чересчур обидчив» (с. 840). Одоевцева отмечает, что противоречивость характера Бунина проявлялась и в беседе с ним. Он был самым лучшим собеседником, если тема разговора интересовала его: «Вести беседу с Буниным и легко, и трудно. Трудно потому, что ему скоро надоедает обычное общепринятое перебрасывание пустых фраз о здоровье, текущих домашних делах и прочем <...> Легко потому, что, предложив ему интересную тему, можно спокойно слушать, как он ее развивает, зная, что он всегда говорит с удовольствием, увлекаясь собственными мыслями и умением их высказывать просто и ясно» (с. 895). По мнению Одоевцевой, удивительный талант писателя выходил за рамки его произведений и преображал даже повседневную жизнь. Именно поэтому каждая встреча с Буниным была яркой и запоминающейся. Рассказывая о своей жизни, писатель полностью погружался в события минувших дней. Зачастую это доставляло ему душевную боль и тоску. Ирина Одоевцева удивлялась тому, как подробно Бунин вспоминает о своем детстве, юности, первых пробах пера: «С какой невероятной силой он переживает прошлое! Будто для него прошлого нет. Будто для него все, что было когда-то, длится, происходит здесь, сегодня, сейчас» (с. 906). В мемуарах она отмечает, что не понимает, зачем он так часто уходит в воспоминания, приносящие ему порой нестерпимую боль. Ответ открывается в мемуарах. Бунин больше всего боялся смерти и, как отмечает мемуарист, именно своей смерти. Можно предположить, что воскрешение в памяти прошлой жизни давало возможность прикоснуться к бесконечности и избавляло от страха конечности жизни. С одной стороны, давно ушедшие события – мгновения, которые невозможно ни удержать, ни вернуть, – и это понимал Бунин, поэтому воспоминания часто терзали его. Но, с другой стороны, попытка снова и снова «возвращать» эти мгновения посредством воспоминаний – стремление к бесконечности. По выражению Ю. В. Мальцева, память – это как бы прообраз вечной жизни и залог вечного бессмертия [1994, с. 324].

Одоевцева искренне восхищалась внутренним величием Бунина, распространявшимся на все, что его окружало. Обратим внимание на то, как она описывает одно из появлений писателя на вечере у Дмитрия Мережковского: «И вдруг Бунин, “сам Бунин”, во всем сиянии и блеске своего величия и славы...», «Казалось, даже тусклая лампа над столом засветила ярче, когда в столовую легко, твердо и не спеша вступил, держась необычайно прямо, новонобелевский лауреат», «Его худое, бритое лицо с зоркими глазами, с чуть презрительно сжатыми тонкими губами выражало царственную, высокомерную благосклонность» (с. 634). Еще не зная Бунина лично, Одоевцева старалась понять внутренний мир писателя через внешние его проявления.

Конечно, будучи поэтом и прозаиком, она познавала Бунина преимущественно как автора-творца. Профессия писателя для Бунина была не просто профессией, а образом жизни. Не было такого явления или события, из которого писатель на ходу не создал бы небольшое произведение: «Он, как никто, умел заставлять слушающего переживать вместе с ним все его чувства и мысли, видеть его глаза-

ми, слышать его ушами. Он делился со слушателем своей радостью, своим горем, делал его участником своей жизни, до такой степени приобщая его к своим переживаниям, что тому часто казалось, что дело идет о нем самом, а не о Бунине. Граница, отделяющая Бунина от его слушателя, как бы исчезала» (с. 855). Эту удивительную способность обнаруживала не только Одоевцева. Она упоминает слова поклонника писателя о том, что повествование Бунина было подобно гипнозу. Русский прозаик Марк Алданов тоже отмечал умение Бунина приковывать внимание людей: «Он обладает какой-то особенной гипнотической силой. Он очаровывает собеседников и заставляет их соглашаться с собой. <...> Присутствие Бунина всё как-то меняет и украшает. И жить, и дышать становится легче, оттого что он здесь. <...> У него действительно какая-то магическая власть над душами, умами и сердцами» (с. 915). Это еще раз обращает внимание на необыкновенный талант писателя.

Особое впечатление на Одоевцеву произвел рассказ Бунина, который сначала он выдал за реальную историю, но в конце концов оказалось, что сюжет складывался в процессе повествования: «Я слушала, молча, ни разу не перебивая. Как он рассказывает! Я никогда не думала, что можно так рассказывать – так живо, красочно, образно, заставляя слушателя всё видеть» (с. 888). А во время одной из прогулок Бунин рассказал мемуаристу о своих путешествиях – одна из любимых тем писателя. И вновь Одоевцева отметила его мастерство изображать увиденное: «Больше всего на свете я люблю путешествия. И воспоминания о них. <...> Он с чисто восточной роскошью и богатством образов рассказывает об Африке, о Цейлоне, об Индии. Я иду рядом с ним, слушаю его и снова, как всегда, изумляюсь тому, как он умеет показывать то, о чем говорит. Я уже чувствую себя в Дакаре, в Египте, на берегах Ганга» (с. 865).

Бунин делился с Одоевцевой своими воспоминаниями о том, как зарождался его талант: «Я почти с самого детства, как только стал сознательно читать и понимать, очень много думал о героях и героинях романов. О героинях больше, чем о героях, и это меня удивляло. Женщины были мне как-то ближе, понятнее, их образы для меня полнее воплощались. Они как будто жили перед моими глазами, и я не только сочувствовал их горестям и радостям, но и соучаствовал в их жизни» (с. 893). Так, с детства писатель отличался живым воображением и огромной способностью к сочувствию, сопереживанию. Как автор-творец он тонко чувствовал природу и умел вдохновляться ею и проникаться ее красотой, а самое главное – описывать ее в своих произведениях так, чтобы читатель видел изображаемую картину глазами писателя. Одоевцева приводит в мемуарах пространное рассуждение Бунина о природе: «Для меня природа так же важна, как человек. <...> Вот я недавно перечитал свои юношеские записки. <...> сколько описаний ветра, облаков, травы, леса, столько в них встреч с природой! Я писал о природе гораздо больше, чем о людях, с которыми сталкивался. Я любил, я просто был влюблен в природу. Мне хотелось слиться с ней, стать небом, скалой, морем, ветром. <...> Как остро я любил жизнь и всё живое. <...> Писатели, не чувствующие природу, – скверные, никчемные писатели. Глухие, слепые кроты» (с. 896), «А ведь нельзя отделить человека от природы, ведь каждое движение воздуха – движение нашей собственной жизни. Мы слиты с природой, мы часть ее. Это надо чувствовать. Если не любить природы, не можешь любить и понимать человека. А тогда и писать не о чем и незачем» (с. 879–880). Одоевцева тоже отмечала

очевидную связь Бунина с природой: «Бунин всегда наслаждался каждым, даже мимолетным общением с природой. Каждый порыв ветра, прозрачность воздуха, надвигающаяся гроза, перемена освещения – всё регистрировалось им мгновенно, волновало и радовало. Он был неразрывно связан с природой, и связь эта ощущалась им иногда не только как радость, но и как мучение – настолько была она самодовлеющей, всё себе подчиняющей, настолько прелесть мира до боли восхищала и терзала его» (с. 859).

Также мемуарист вспоминает одну из встреч с писателем, когда закат растрогал его до глубины души: «Какая красота! Господи, какая красота <...> Меня иногда красота пронзает до боли. Иногда я, несмотря ни на что, чувствую острое ощущение блаженства, захлестывающего, уносящего меня, даже и теперь. Такое с ума сводящее ощущение счастья, что я готов плакать и на коленях благодарить Бога за счастье жить. Такой восторг, что становится страшно и дышать трудно. Будто у меня, как, помните, у Мцыри, в груди пламя, и оно сжигает меня. Или нет. Будто во мне не одна, а сотни человеческих жизней. Сотни молодых, безудержных, смелых, бессмертных жизней. Будто я бессмертен, никогда не умру» (с. 895). Обращает внимание, что и свои чувства он передавал так, что его внутреннее состояние, ощущения, переживания оказывались очень понятными и близкими. Здесь стоит отметить, что такое тонкое, лирическое мироощущение зародилось еще в поэтическом творчестве Бунина. И позже, начав писать прозу, автор не перестал быть поэтом. Он и сам признавал себя не как прозаик, а как поэт: «А я все-таки прежде всего поэт. Поэт! А уж потом только прозаик» (с. 858).

Критика и оценка Бунина были особенно важны для Одоевцевой. Во многом благодаря его комментариям и замечаниям она совершенствовала свой писательский навык. Более того, автору-мемуаристу удалось получить расположение Бунина. Он не раз отмечал способность Одоевцевой слушать его с неподдельным вниманием и интересом. Это импонировало писателю и вызывало желание делиться своими мыслями. Женственность, дипломатичность и искренность Ирины Одоевцевой позволили ей сохранять хорошие отношения с Буниным на протяжении всей жизни. Почти все видели только непростой характер писателя, Одоевцева же отметила в нем подлинные человеческие качества и за это особенно ценила его и не замечала негативные стороны характера: «Ни мстительности, ни зависти, ни мелочности мне никогда не приходилось видеть в Буине. Напротив – он был добр и великодушен. Даже очень добр и великодушен. И по-настоящему щедр» (с. 839), «Все его дурные черты как бы скользили по поверхности. Они оставались внешними и случайными, вызванными трудными условиями его жизни или нездоровьем» (с. 840). В подтверждение своих слов мемуарист пишет, что Бунин помогал писателю Леониду Зурову до конца его жизни. Также Одоевцева упоминает о том, что во время оккупации Бунин укрывал у себя евреев, рискуя своей жизнью и проявляя таким образом смелость и героизм.

Для Ирины Одоевцевой было счастьем не только общаться с Буниным, но и в последующем писать о нем. Узнав его характер во всех проявлениях, мемуарист решила, что должна запечатлеть «портрет» Бунина. Еще при его жизни она просила разрешения написать об их встречах и разговорах, чтобы показать современникам и потомкам величие Бунина. Каждая беседа с писателем становилась для Одоевцевой поводом для размышлений и анализа. Она подмечала незаметные для многих детали и нюансы в его словах и мыслях, перемены его настроения:

«Бунин мог быть иногда очень неприятен <...> Всё зависело от его настроения. Но настроения свои он менял с поразительной быстротой и часто в продолжение одного вечера бывал то грустным, то веселым, то сердитым, то благодушным» (с. 836). Для нее было важно представить Бунина в мемуарах таким, каким видела его она, – неповторимым гением, человеком с большими душой и сердцем.

Примечательно, что мемуарист не рассказывает о встречах в хронологической последовательности: она фиксирует самые яркие ключевые моменты. Каждое из таких воспоминаний – новый виток в развитии образа Бунина. Таким образом Одоевцевой удастся создать многогранный портрет писателя. Так, например, на страницах мемуаров Одоевцевой Бунин предстает еще и как литературный критик, давая оценку творчеству других писателей. Особенно он отмечает Толстого, Шекспира, Гёте и Бальзака: «А без Толстого мне невозможно. <...> Заметили ли вы, что произведения великих писателей – таких, как Толстой, Шекспир, Гёте и даже их французский Бальзак, – старятся вместе с читателями? Автору их всегда тот же возраст, как и читателю. Молодому кажется, что это написано молодым, <...> человек средних лет находит в них опыт и зрелость, свойственную его возрасту, ну а старик, вроде меня, открывает в них глубину и мудрость старости <...>. Это исключительная черта гениев» (с. 852). Также он по-своему оценивает произведения Достоевского и Чехова, игнорируя их общественное признание и устоявшееся мнение об их творчестве. Достоевского Бунин критикует за отсутствие описаний природы в его произведениях: «Он-то уж о природе никогда не писал. У него всегда дождь, слякоть, туман, и на лестницах воняет кошками. У него ведь нет описаний природы – от бездарности» (с. 896). В творчестве Чехова он видел как положительное, так и отрицательное. С одной стороны, Бунин признавал, что только Чехов «умеет показать в капле воды океан, <...> в одной фразе целый пейзаж дать» (с. 896). Так как Бунин был дворянского происхождения и хорошо знал быт дворянина, недостаток произведений Чехова он видел в том, что Чехов совсем не знал дворян, но писал о них: «А вот о дворянах он напрасно брался писать. Не знал он ни дворян, ни дворянского быта. Никаких вишневых садов в России не существовало. И пьесы его все чепуха, чушь, как бы их ни раздували. Никакой он не драматург» (с. 896).

Не раз Одоевцева подмечала в Бунине актерский талант, проявлявшийся в том, как он изображал других людей или шуточно передразнивал. Так, мемуарист вспоминает один из вечеров, когда Бунин читал рассказ из журнала – «пример того, как не стоит писать» (с. 852): «Читает он как никто из писателей. <...> Сейчас Бунин с комическим пафосом издевательски выделяет некоторые выражения и фразы. И это делает трагический текст таким комичным, что мы с Георгием Ивановым хохочем, будто он нам читает рассказ Тэффи или Зощенко» (с. 852). Еще одно незабываемое событие в «Русском доме», где Бунин для многих показал себя с неожиданной стороны, – масленица. Он не хотел участвовать в «коллективных блинах», но всё же пошел, предупреждая, что «испортит все» (с. 912): «И неожиданно <...> он превращается в приятнейшего гостя, радующего меня, отличным аппетитом, очаровывающего всех слушателей несмолкаемыми рассказами. <...> Так неудачно начавшиеся по вине Бунина блины превратились, благодаря Бунину же, в одно из самых приятных воспоминаний пансионеров “Русского дома”. “Блины с Буниным” остались у них надолго в памяти» (с. 913).

Рассказывая о Бунине в мемуарах, Ирина Одоевцева так понимала свою задачу: «Нет, я не надеюсь показать «”живого Бунина”. Это вряд ли кому удастся – слишком уж он многогранен, не укладывается ни в какие рамки, не поддается измерению. Но, может быть, всё же эти страницы о нем помогут хоть смутно, как сквозь туман, увидеть его, услышать его голос, на минуту почувствовать его присутствие тем, кому не было дано встретиться с Буниным» (с. 877). То, как Иван Бунин видел мир, как мыслил, как чувствовал, как предавался воспоминаниям, – все, по мнению мемуариста, делало его особенным человеком. В любом, даже самом будничном рассказе, проявлялся исключительный дар Бунина. Писатель не просто рассказывал, а показывал то, о чем говорил. Он, как никто другой, тонко и чутко чувствовал и понимал природу, а его присутствие всегда создавало особую атмосферу. Именно поэтому Ирине Одоевцевой было так важно узнать настоящего Ивана Бунина и запечатлеть его разносторонний образ.

Список литературы

Мальцев Ю. В. Иван Бунин. 1870–1953. Москва; Франкфурт-на-Майне: Посев, 1994. 324 с.

Одоевцева И. В. Избранное. Стихотворения. На берегах Невы. На берегах Сены. М.: Согласие, 1998. С. 193–951.

References

Maltsev Yu. V. Ivan Bunin. 1870–1953. Moscow, Frankfurt am Main, Posev Publ., 1994, 324 p. (in Russ.)

Odoevtseva I. V. Izbrannoe. Stikhotvoreniya. Na beregakh Nevy. Na beregakh Seny. Moscow, 1998, p. 193–951. (in Russ.)

Сведения об авторе

Ерошевская Милена Владимировна – студент-магистрант 2 курса Института филологии, иностранных языков и медиакоммуникаций Кемеровского государственного университета (Кемерово, Россия)

m_eroshevskaya@mail.ru

Information about the Author

Milena V. Eroshevskaya – 2nd year undergraduate student, Institute of Philology, foreign languages and media communications at the Kemerovo State University (Kemerovo, Russian Federation)

m_eroshevskaya@mail.ru